

А. А. ЖДАНОВ

**ВЫСТУПЛЕНИЕ
НА ДИСКУССИИ**

**ПО КНИГЕ Г. Ф. АЛЕКСАНДРОВА
«ИСТОРИЯ
ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ»**

24 июня 1947 г.

★

ГОСПОЛИТИЗДАТ • 1952

А. А. ЖДАНОВ

ВЫСТУПЛЕНИЕ
НА ДИСКУССИИ

ПО КНИГЕ Г. Ф. АЛЕКСАНДРОВА
«ИСТОРИЯ
ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ»

24 июня 1947 г.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1952

Товарищи! Дискуссия о книге т. Александрова не ограничилась рамками обсуждаемой темы. Она развернулась вширь и вглубь, поставив также более общие вопросы положения на философском фронте. Дискуссия превратилась в своего рода всесоюзную конференцию по вопросам состояния научной философской работы. Это, конечно, совершенно естественно и закономерно. Создание учебника по истории философии, первого марксистского учебника в этой области, представляет задачу огромного научного и политического значения. Не случайно поэтому то внимание, которое уделил этому вопросу Центральный Комитет, организовав настоящую дискуссию.

Выработать хороший учебник по истории философии — это значит вооружить нашу интеллигенцию, наши кадры, нашу молодёжь новым мощным идеологическим оружием и вместе с тем сделать большой шаг вперёд по пути развития марксистско-ленинской философии. Понятна поэтому та высокая требовательность к учебнику, которая была здесь предъявлена.

Расширенӣе рамок дискуссии оказалось поэтому только полезным. Её результаты будут, несомненно, велики, тем более, что здесь были затронуты не только вопросы, связанные с оценкой учебника, но и более широкие проблемы философской работы.

Я позволю себе коснуться обеих тем. Я далёк от мысли резюмировать прения — это задача автора книги — и выступаю в порядке прений.

Заранее прошу извинения за то, что буду прибегать к употреблению цитат, хотя т. Баскин всячески предупреждал всех нас от этого. Конечно, ему, старому морскому философскому волку, легко бороздить философские моря и океаны без навигационных приборов, на-глазок, по соображению, как говорят моряки. (*Смех.*) Но да будет позволительно мне, философскому юнге, впервые вступающему на зыбкую палубу философского корабля во время жестокого шторма, употреблять цитаты в качестве некоего ориентира, позволяющего не сбиться с правильного курса. (*Смех, аплодисменты.*)

Перехожу к замечаниям по учебнику.

I

**НЕДОСТАТКИ КНИГИ
ТОЗ. АЛЕКСАНДРОВА**

Я думаю, что от учебника по истории философии мы вправе требовать соблюдения следующих условий, которые, на мой взгляд, являются элементарными.

Первое. Нужно, чтобы в учебнике был точно определён предмет истории философии как науки.

Второе, чтобы учебник был научным, т. е. основанным на фундаменте современных достижений диалектического и исторического материализма.

Третье. Необходимо, чтобы изложение истории философии было не схоластичным, а творчески действенным, было бы связано непосредственно с задачами современности, подводило бы к их уяснению и намечало перспективы дальнейшего развития философии.

Четвёртое, чтобы приводимый фактический материал был бы вполне проверенным и добротным, и,

пятое, чтобы стиль изложения был ясным, точным и убедительным.

Я полагаю, что предъявленным требованиям учебник не удовлетворяет.

Прежде всего о предмете науки.

Тов. Кивенко указывал, что учебник т. Александра не даёт ясного представления о предмете науки и что, хотя в учебнике приведено большое количество определений, имеющих частное значение, в нём нет исчерпывающего обобщающего определения, поскольку каждое частное определение освещает только отдельные стороны вопроса. Это замечание совершенно правильное. Предмет истории философии как науки так и не определён. Определение, данное на стр. 14, неполно. Определение на стр. 22, подчёркнутое курсивом, видимо, как основное определение, по существу неправильно, ибо если согласиться с автором в том, что *«история философии есть история поступательного, восходящего развития знаний человека об окружающем его мире»*, то это значит, что предмет истории философии совпадает с предметом истории науки вообще, а сама философия в этом случае выглядит как наука наук, что уже давно отвергнуто марксизмом.

Неправильно и неточно также утверждение автора, что история философии является также историей возникновения и развития *многих современных идей*, ибо понятие «современный» отождествляется в данном случае с понятием «научный», что, конечно, ошибочно. При определении предмета истории философии необходимо исходить из определений философской науки, данных Марксом, Энгельсом, Лениным, Сталиным.

«Эту, революционную, сторону философии Гегеля воспринял и развил Маркс. Диалектический материа-

лизм «не нуждается ни в какой философии, стоящей над прочими науками». От прежней философии остается «учение о мышлении и его законах — формальная логика и диалектика». А диалектика, в понимании Маркса, согласно также Гегелю, включает в себя то, что ныне зовут теорией познания, гносеологией, которая должна рассматривать свой предмет равным образом исторически, изучая и обобщая происхождение и развитие познания, переход от незнания к познанию» (В. И. Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 11).

Научная история философии, следовательно, является историей зарождения, возникновения и развития научного материалистического мировоззрения и его законов. Поскольку материализм вырос и развился в борьбе с идеалистическими течениями, история философии есть также история борьбы материализма с идеализмом.

Что касается научности учебника с точки зрения использования в нём современных достижений диалектического и исторического материализма, то в этом отношении учебник также страдает многими очень серьезными погрешностями.

Автор изображает историю философии и ход развития философских идей и систем как плавный эволюционный ход развития путём нарастания количественных изменений. Создается впечатление, что марксизм возник как простой преемник развития предыдущих прогрессивных учений и в первую очередь учения французских материалистов, английской политической экономии и идеалистической школы Гегеля.

Автор на стр. 475 говорит, что философские теории, созданные до Маркса — Энгельса, хотя и содержали подчас великие открытия, но всё же не были до конца последовательными и научными во всех своих выводах. Такое определение отличает марксизм от домарксистских философских систем лишь как учение до конца последовательное и научное во всех своих выводах. Стало быть, отличие марксизма от домарксистских философских учений состоит лишь в том, что эти философии были не до конца последовательными и научными и что старые философы только «ошибались».

Как видите, здесь дело только в количественных изменениях. Но это есть метафизика. Возникновение марксизма было настоящим открытием, революцией в философии. Конечно, как и всякое открытие, как и всякий скачок, перерыв постепенности, всякий переход в новое состояние, оно, это открытие, не могло произойти без предварительного накопления количественных изменений, в данном случае итогов развития философии до открытия Маркса — Энгельса. Автор явно не понимает, что Маркс и Энгельс создали новую философию, качественно отличающуюся от всех предыдущих, хотя бы и прогрессивных, философских систем. Об отношении марксовой философии ко всем предшествующим и о перевороте, который произвёл марксизм в философии, превратив её в науку, известно каждому. Тем более странно, что автор концентрирует своё внимание не на том, что являлось новым и революционным в марксизме по сравнению с предыдущими философскими

системами, а на том, что соединяет его с развитием домарксовской философии. Между тем, сами Маркс и Энгельс говорили, что их открытие означает конец старой философии.

«Гегелевская система была последней, самой законченной формой философии, поскольку она мыслится как особая наука, стоящая над всеми другими науками. Вместе с ней потерпела крушение вся философия. Остались только диалектический способ мышления и понимание всего естественного, исторического и интеллектуального мира, как мира бесконечно движущегося, изменяющегося, находящегося в постоянном процессе возникновения и уничтожения. Теперь не только перед философией, но и перед *всеми* науками было поставлено требование открыть законы движения этого вечного процесса преобразования в каждой отдельной области. И в этом заключалось наследие, оставленное гегелевской философией своим преемникам» (Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, 1945, стр. 23—24).

Автор не понимает, видимо, конкретного исторического процесса развития философии.

Одним из существенных, если не самым главным недостатком книги является игнорирование того факта, что в ходе истории менялись не только взгляды на те или иные философские вопросы, но сам этот круг вопросов, сам *предмет* философии находился в постоянном изменении, что вполне соответствует диалектической природе человеческого познания и должно быть ясно всякому подлинному диалектику.

На стр. 24 своей книги, излагая философию древних греков, т. Александров пишет: «Философия как

самостоятельная область знания возникла в древнегреческом рабовладельческом обществе». И далее: «Философия, возникнув в VI в. до н. э. как особая область знаний, получила широкое распространение».

Но можем ли мы говорить о философии древних греков как об особой, отдифференцировавшейся области знаний? Безусловно, нет. Философские взгляды греков были настолько тесно переплетены с их естественно-научными, политическими взглядами, что мы не должны и не имеем права переносить на греческую науку наше, позже возникшее разделение наук, их классификацию. По сути дела, греки знали лишь одну, нерасчленённую науку, в которую входили и философские представления. Возьмём ли мы Демокрита, Эпикура, Аристотеля,— все они в равной мере подтверждают мысль Энгельса о том, что «древнейшие греческие философы были одновременно естествоиспытателями» (*Ф. Энгельс, Диалектика природы. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 498*).

Своеобразие развития философии заключается в том, что от неё, по мере развития научных знаний о природе и обществе, отпочковывались одна за другой положительные науки. Следовательно, область философии непрерывно сокращалась за счёт развития положительных наук (замечу кстати, что этот процесс не закончен и до настоящего времени), и это освобождение естествознания и общественных наук из-под эгиды философии представляло из себя прогрессивный процесс как для естественных и общественных наук, так и для самой философии.

Творцы философских систем прошлого, претендовавшие на познание абсолютной истины в конечной инстанции, не могли способствовать развитию естественных наук, так как пеленали их в свои схемы, стремились стать над наукой, навязывали живому человеческому познанию выводы, диктовавшиеся не реальной жизнью, а потребностями системы. В этих условиях философия превращалась в музей, где были свалены в кучу самые разнообразные факты, выводы, гипотезы и просто фантазии. Если философия и могла служить для обозрения, для созерцания, то она была негодна как инструмент практического воздействия на мир, как инструмент познания мира.

Последней системой такого рода была система Гегеля, который пытался воздвигнуть философское здание, подминающее под себя все остальные науки, втискивая их в прокрустово ложе своих категорий, и, рассчитывая разрешить все противоречия, впал в безвыходное противоречие с диалектическим методом, им же самим угаданным, но не понятым и поэтому неверно применённым.

Но «раз мы поняли... что требовать от философии разрешения всех противоречий значит требовать, чтобы один философ сделал такое дело, какое в состоянии выполнить только все человечество в его поступательном развитии,— раз мы поняли это, философии, в старом смысле слова, приходит конец,— указывал Энгельс.— Мы оставляем в покое недостижимую таким путем и для отдельного человека «абсолютную истину» и устремляемся в погоню за достижимыми для нас относительными истинами по пути положи-

тельных наук и объединения их результатов при помощи диалектического метода» (*Ф. Энгельс, Людвиг Фейербах. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 640*).

Открытие Маркса и Энгельса представляет конец старой философии, т. е. конец той философии, которая претендовала на универсальное объяснение мира.

Расплывчатые формулировки автора смазывают величайшее революционное значение гениального философского открытия Маркса и Энгельса, акцентируя на том, что связывало Маркса с предшествующими философами, не показывая, что с Маркса начинается совершенно новый период истории философии, впервые ставшей наукой.

В тесной связи с этой ошибкой в учебнике проповедуется немарксистская трактовка истории философии, как постепенная смена одной философской школы другой. С появлением марксизма как научного миросозерцания пролетариата кончается старый период истории философии, когда философия была занятием одиночек, достоянием философских школ, состоявших из небольшого количества философов и их учеников, замкнутых, оторванных от жизни, от народа, чуждых народу.

Марксизм не является такой философской школой. Наоборот, он является преодолением старой философии, когда философия была достоянием немногих избранных — аристократии духа, и началом совершенно нового периода истории философии, когда она стала научным оружием в руках пролетарских масс, борющихся за своё освобождение от капитализма.

Марксистская философия, в отличие от прежних философских систем, не является наукой над другими науками, а представляет собой инструмент научного исследования, метод, пронизывающий все науки о природе и обществе и обогащающийся данными этих наук в ходе их развития. В этом смысле марксистская философия является самым полным и решительным отрицанием всей предшествующей философии. Но отрицать, как подчёркивал Энгельс, не означает просто сказать «нет». Отрицание включает в себя преемственность, означает поглощение, критическую переработку и объединение в новом высшем синтезе всего того передового и прогрессивного, что уже достигнуто в истории человеческой мысли.

Отсюда следует, что история философии, поскольку существует марксистский диалектический метод, должна включать в себя историю подготовки этого метода, показывать, что обусловило его возникновение. В книге Александрова не дана история логики и диалектики, не показан процесс развития логических категорий как отражение человеческой практики; тем самым приведённое в введении книги указание Ленина, что каждую категорию диалектической логики следует считать узловым пунктом в истории человеческой мысли, повисло в воздухе.

Совершенно неоправданным является тот факт, что история философии в учебнике доведена только до возникновения марксистской философии или до 1848 года. Без изложения истории философии за последние 100 лет учебник, конечно, не может считаться учебником. Почему автор безжалостно расправился с

этим периодом, остаётся неясным и не находит объяснения ни в предисловии, ни в введении.

Ничем не мотивированным является также не-включение в учебник истории развития русской философии. Нет нужды доказывать, что это упущение носит принципиальный характер. Какими бы мотивами ни руководствовался автор, исключая историю русской философии из общей истории философии, умолчание о ней объективно означает умаление роли русской философии и искусственно делит историю философии на историю западноевропейской и историю русской философии, причём автор не делает никаких попыток объяснить необходимость такого разделения. Оно увековечивает буржуазное деление на «западную» и «восточную» культуру, рассматривает марксизм как региональное «западное» течение. Больше того, на стр. 6 введения автор с жаром доказывает обратное положение, настаивая на том, что, «не изучив внимательно и не использовав глубокую критику философских систем прошлого, данную классиками русской философии, нельзя составить научного представления о ходе развития философской мысли в западноевропейских странах». Почему же автор не реализовал этого правильного положения в учебнике? Такое положение остаётся совершенно непонятным и вместе с произвольным окончанием изложения истории философии на 1848-м годе оставляет гнетущее впечатление.

Выступавшие товарищи правильно указывали также на пробелы в освещении истории философии Востока,

Ясно, что и по этой причине учебник нуждается в ксеренной переработке.

Некоторые товарищи указывали, что введение к учебнику, должнствующее, очевидно, представлять «кредо» автора, правильно определяет задачи и методы исследования предмета, но что автор якобы не выполнил своих обещаний. Я думаю, что эта критика недостаточна, поскольку неправильно и не выдерживает критики само введение. Я уже говорил о неправильном и неточном определении предмета истории философии. Но этого мало. В введении имеются и другие теоретические ошибки. Товарищи уже говорили здесь, что большой натяжкой является при изложении основ марксистско-ленинской истории философии ссылка на Чернышевского, Добролюбова и Ломоносова, которые, конечно, не имеют прямого отношения к делу. Но вопрос, однако, не только в этом. Приведённые цитаты из произведений этих великих русских учёных и философов выбраны явно неудачно, а те теоретические положения, которые в них заключаются, являются с марксистской точки зрения неправильными и, я сказал бы больше, даже вредными. При этом я ни в малейшей степени не имею в виду бросить какую-либо тень на самих авторов этих цитат, так как эти цитаты выбраны произвольно и относятся к поводам, ничего не имеющим общего с теми, на которые рассчитывает автор. Дело в том, что автор ссылается на Чернышевского для того, чтобы доказать, что основоположники различных, хотя бы и противоположных, философских систем должны терпимо относиться друг к другу.

Позвольте привести цитату из Чернышевского: «Продолжатели учёного труда восстают против своих предшественников, труды которых служили исходною точкою для их собственных трудов. Так, Аристотель враждебно смотрел на Платона, так Сократ бесгранично унижал софистов, продолжателем которых был. В новое время этому также найдётся много примеров. Но бывают иногда отрадные случаи, что основатели новой системы понимают ясно связь своих мнений с мыслями, которые находятся у их предшественников, и скромно называют себя их учениками; что, обнаруживая недостаточность понятий своих предшественников, они с тем вместе ясно выказывают, как много содействовали эти понятия развитию их собственной мысли. Таково было, например, отношение Спинозы к Декарту. К чести основателей современной науки должно сказать, что они с уважением и почти сыновнею любовью смотрят на своих предшественников, вполне признают величие их гения и благородный характер их учения, в котором показывают зародыш собственных воззрений» (стр. 6—7 книги т. Александрова).

Поскольку автор приводит эту цитату без оговорок, она, очевидно, является его собственной точкой зрения. Если это так, то автор действительно становится на путь отказа от принципа партийности в философии, которая свойственна марксизму-ленинизму. Известна та страсть и непримиримость, с которыми марксизм-ленинизм всегда вёл и ведёт острейшую борьбу со всеми врагами материализма. В этой войне марксисты-ленинцы подвергают своих противников уничтожающей критике. Образцом большевистской

борьбы с противниками материализма является книга Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», где каждое слово Ленина представляет из себя разящий меч, уничтожающий противника. «Гениальность Маркса и Энгельса состоит как раз в том,— говорит Ленин,— что в течение очень долгого периода, *почти полустолетия*, они развивали материализм, двигали вперед одно основное направление в философии, не топтались на повторении решенных уже гносеологических вопросов, а проводили последовательно,— показывали, *как* надо проводить *тот же* материализм в области общественных наук, беспощадно отмечая, как сор, вздор, напыщенную претенциозную галиматью, бесчисленные попытки «открыть» «новую» линию в философии, изобрести «новое» направление и т. д.»

«Возьмите, наконец,— пишет Ленин далее,— отдельные философские замечания Маркса в «Капитале» и в других сочинениях,— вы увидите *неизменный* основной мотив: настаивание на *материализме* и презрительные насмешки по адресу всякого затушевывания, всякой путаницы, всяких отступлений к *идеализму*. В этих двух коренных противоположениях вращаются *все* философские замечания Маркса — с точки зрения профессорской философии, в этой «узости» и «односторонности» и состоит их недостаток» (В. И. Ленин, Соч., т. XIII, стр. 275—276).

Сам Ленин, как известно, не щадит своих противников. В попытке смазать и примирить противоречия между философскими направлениями Ленин всегда видел лишь маневр реакционной профессорской философии. Как же мог после этого т. Александров высту-

пить в своём учебнике как проповедник безубого вегетарианства по отношению к философским противникам, представляющего безусловную дань профессорскому квази-объективизму, тогда как марксизм возник, вырос и победил в беспощадной борьбе со всеми представителями идеалистического направления? (*Аплодисменты.*)

Тов. Александров не ограничивается этим. Свою объективистскую концепцию он последовательно проводит через всё содержание учебника. Не случайным поэтому является тот факт, что т. Александров, прежде чем критиковать какого-либо буржуазного философа, отдаёт «дань» его заслугам, воскуря ему фимиам. Возьмите к примеру уже упоминавшееся учение Фурье о четырёх фазах в развитии человечества.

Большим достижением социальной философии Фурье, говорит т. Александров, «является учение о *развитии* человечества. В своём развитии общество проходит, по Фурье, четыре фазы: 1) восходящее разрушение, 2) восходящую гармонию, 3) нисходящую гармонию, 4) нисходящее разрушение. В последней стадии человечество переживает период дряхлости, после чего всякая жизнь на земле прекращается. Поскольку развитие общества осуществляется независимо от желания людей, высшая стадия развития наступает так же неизбежно, как происходит смена времён года. Из этого положения выводил Фурье неизбежную смену буржуазного строя обществом, в котором будет господствовать свободный и коллективный труд. Правда, теория развития общества Фурье была ограничена рамками четырёх фаз, но

для той эпохи она представляла большой шаг вперёд» (Г. Ф. Александров, История западноевропейской философии, стр. 353—354).

Здесь нет и следа марксистского анализа. По сравнению с чем представляла теория Фурье шаг вперёд? Если её ограниченность состояла в том, что она говорила о четырёх фазах в развитии человечества, причём четвёртая фаза составляет нисходящее разрушение, в итоге которого всякая жизнь на земле прекращается, то как понять претензию автора к Фурье, что его теория развития общества ограничена рамками только четырёх фаз, в то время как пятой фазой для человечества могла быть только загробная жизнь?

Почти о всех старых философах т. Александров находит случай сказать доброе слово. Чем крупнее буржуазный философ, тем больше фимиама ему преподносится. Всё это приводит к тому, что т. Александров, возможно сам того не подозревая, оказывается в плену буржуазных историков философии, которые исходят из того, чтобы в каждом философе видеть прежде всего союзника по профессии, а потом уже противника. Такие концепции, если бы они получили у нас развитие, неизбежно ведут к объективизму, к раболепию перед буржуазными философами и преувеличению их заслуг, к лишению нашей философии боевого наступательного духа. А это означало бы отход от основного принципа материализма — его направленности, его партийности. А ведь Ленин нас учил, что «материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события

прямо и открыто становится на точку зрения определенной общественной группы» (*В. И. Ленин*, Соч., т. I, стр. 276). Изложение философских взглядов в учебнике ведётся абстрактно, объективистски, нейтрально. Философские школы располагаются в книге одна после другой или одна возле другой, но не в борьбе друг с другом. Это тоже «дань» академическому, профессорскому «направлению». Не случайно, видимо, в этой связи, что изложение принципа партийности в философии совсем не удалось автору. В качестве примера партийности в философии автор приводит философию Гегеля, а борьбу враждебных философий иллюстрирует борьбой реакционного и прогрессивного начала внутри... самого Гегеля. Такой приём доказательства является не только объективистским эклектицизмом, но и явно приукрашивает Гегеля, поскольку таким способом хотят доказать, что в его философии столько же прогрессивного, сколько и реакционного. Для того чтобы покончить с этим вопросом, добавлю также, что рекомендуемый т. Александровым метод оценки различных философских систем — «наряду с заслугами имеются и недостатки» (см. стр. 7 книги т. Александрова), или «важное значение имеет также такая-то теория» — страдает крайней неопределённостью, является метафизическим и способным лишь запутать дело. Остаётся непонятным, зачем понадобилось т. Александрову отдать дань академическим научным традициям старых буржуазных школ и забыть основное положение материализма, требующее непримиримости в борьбе со своими противниками.

Ещё одно замечание. Критический разбор философских систем должен быть целеустремлённым. Философские взгляды и идеи, давно разгромленные и похороненные, не должны привлекать много внимания. Наоборот, с особой остротой должны быть раскритикованы философские системы и идеи, имеющие, несмотря на свою реакционность, хождение и используемые ныне врагами марксизма. Сюда относятся в особенности неокантианство, теология, старые и новые издания агностицизма, попытки контрабандой протащить бога в современное естествознание и всякую другую стряпню, имеющую цель подлатать и подкрасить на потребу рынка залежалый идеалистический товар. Таков тот арсенал, который в настоящее время пущен в ход философскими лакеями империализма, чтобы поддержать перепуганного хозяина.

Введение содержит также неправильную трактовку понятия о реакционных и прогрессивных идеях и философских системах. Хотя автор и делает оговорки о том, что вопрос о реакционности или прогрессивности той или иной идеи или философской системы должен решаться конкретно-исторически, он сплошь и рядом игнорирует известное положение марксизма о том, что одна и та же идея в различных конкретных исторических условиях может быть и реакционной и прогрессивной. Смазав этот вопрос, автор открывает лазейку для проникновения контрабандным путём идеалистической концепции надисторичности идей.

Автор далее, правильно отмечая, что развитие философской мысли в конечном счёте определяется

материальными условиями жизни общества и что развитие философской мысли имеет лишь относительную самостоятельность, сам неоднократно нарушает это основное положение научного материализма, сплошь и рядом отрывая при изложении различных философских систем это изложение от конкретной исторической обстановки и социально-классовых корней той или иной философии. Так обстоит дело, например, при изложении философских взглядов Сократа, Демокрита, Спинозы, Лейбница, Фейербаха и других, что, конечно, является не научным и даёт повод полагать, что автор сбивается на точку зрения самостоятельности и надисторичности в развитии философских идей, что является отличительным признаком идеалистической философии. Отсутствие органической связи той или иной философской системы с конкретной исторической обстановкой имеет место даже там, где автор пытается дать анализ этой обстановки. Получается чисто механическая, текстовая, а не существенная органическая связь. Разделы и главы, излагающие философские воззрения соответствующей эпохи, и разделы и главы, посвящённые изложению исторической обстановки, вращаются в неких параллельных плоскостях, а само изложение исторических данных, причинных связей между базисом и надстройкой, как правило, дано ненаучно, неряшливо, не даёт материала для анализа, а скорее представляет плохую справку. Таково, например, введение к главе VI под названием «Франция XVIII в.», которое представляет рекорд невразумительности и ни в какой мере не разъясняет истоки идей французской философии

XVIII — начала XIX века. В силу этого идеи французских философов теряют свою связь с эпохой и начинают фигурировать как некое самостоятельное явление. Позвольте напомнить это место учебника:

«Начиная с XVI—XVII вв. Франция вслед за Англией постепенно становится на путь буржуазного развития, пережив за столетие коренные перемены: в экономике, политике и идеологии. Страна хотя и была всё ещё отсталой, но уже начала освобождаться от своей феодальной заскорузлости. Как и многие другие европейские государства того времени, Франция вступила в период первоначального капиталистического накопления.

Во всех областях общественной жизни быстро формировался новый, буржуазный общественный строй, возникала новая идеология, новая культура. К этому времени во Франции начинается быстрый рост таких городов, как Париж и Лион, Марсель и Гавр, создаётся сильный морской флот. Одна за другой создаются международные торговые компании, организуются вооружённые экспедиции, завоёвывающие ряд колоний. Быстро возрастает торговля. В 1784—1788 гг. оборот внешней торговли достиг 1 011,6 млн. ливров, более чем в четыре раза превысив торговлю 1716—1720 гг. Оживлению торговли способствовали Аахенский договор (1748 г.) и Парижский трактат (1763 г.). Особенно показательна торговля книгами. Так, например, в 1774 г. оборот книжной торговли во Франции равнялся 45 млн. франков, тогда как в Англии он составлял только 12—13 млн. франков. В руках Франции находилось около половины золотого запаса,

имевшегося в Европе. Однако Франция оставалась ещё аграрной страной. Огромное большинство её населения занималось земледелием» (стр. 315—316).

Это, конечно, не анализ, а простой перечень некоторых фактов, изложенных при этом не в связи друг с другом, а один возле другого. Само собою разумеется, что из этих данных о «базисе» не получилось, да и не могло получиться, никакой характеристики французской философии, развитие которой оказалось оторванным от исторической обстановки тогдашней Франции.

Возьмём далее в качестве примера описание возникновения немецкой идеалистической философии, приведённое в книге Александрова. Он пишет: «В XVIII и первой половине XIX в. Германия была отсталой страной с реакционным политическим строем. В ней господствовали феодально-крепостнические и ремесленно-цеховые отношения. В конце XVIII в. городское население не достигало и 25%, в ремесле было занято лишь 4% всего населения. Барщина, оброк, крепостное право, цеховые привилегии мешали развитию нарождавшихся капиталистических отношений. К тому же в стране царил чрезвычайная политическая раздроблённость».

Приведённый в книге т. Александрова процент городского населения Германии должен, по его мнению, иллюстрировать отсталость этой страны и реакционность её государственного и общественно-политического строя. Но в это же время городское население Франции составляло менее 10%, однако Франция была не отсталой феодальной страной, какой была

Германия, а центром буржуазно-революционного движения в Европе. Следовательно, процент городского населения сам по себе ещё ничего не объясняет, более того, он сам должен быть объяснён из конкретно-исторической обстановки. Это также пример неудачного использования исторического материала для объяснения возникновения и развития той или иной формы идеологии.

Далее Александров пишет: «Наиболее видные идеологи немецкой буржуазии того времени — Кант, а затем Фихте и Гегель в созданных ими идеалистических философских системах выражали в абстрактной форме, обусловленной ограниченностью немецкой действительности, идеологию немецкой буржуазии той эпохи».

Сравним это холодное, равнодушное, объективистское изложение фактов, из которых так и нельзя понять причин возникновения немецкого идеализма, с марксистским анализом тогдашней обстановки в Германии, изложенным в живом, боевом стиле, который волнует и убеждает читателя. Вот как Энгельс характеризует обстановку в Германии: «Это была одна гниющая и разлагающаяся масса. Никто не чувствовал себя хорошо. Ремесло, торговля, промышленность и земледелие были доведены до самых ничтожных размеров. Крестьяне, торговцы и ремесленники испытывали двойной гнет: кровавого правительства и плохого состояния торговли. Дворянство и князья находили, что их доходы, несмотря на то, что они все выжимали из своих подчиненных, не должны были отставать от их растущих расходов. Все было скверно,

и в стране господствовало общее недовольство. Не было образования, средств воздействия на умы масс, свободы печати, общественного мнения, не было сколько-нибудь значительной торговли с другими странами; везде только мерзость и эгоизм, весь народ был проникнут низким, раболепным, гнусным торгашеским духом. Все прогнило, колебалось, готово было рухнуть, и нельзя было даже надеяться на благотворную перемену, потому что в народе не было такой силы, которая могла бы смести разлагающиеся трупы отживших учреждений» (*К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. V, стр. 6—7*).

Сравните эту характеристику Энгельса, яркую, острую, точную, глубоко научную, с характеристикой, которую даёт Александров, и вы увидите, как т. Александров плохо использует уже готовое из неисчерпаемого богатства, оставленного нам основоположниками марксизма.

Таким образом, автор не справился с задачей использования материалистического метода для изложения истории философии, а это лишает книгу научного характера и превращает её в значительной мере в описание биографий философов и их философских систем, взятых вне исторической обстановки. Нарушенным оказался принцип исторического материализма, который учит, что: «Надо исследовать в деталях условия существования различных общественных формаций, прежде чем пытаться вывести из них соответствующие им политические, частноправовые, эстетические, философские, религиозные и т. п. воззрения» (Из письма Ф. Энгельса к К. Шмидту от

5 августа 1890 г., *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Избранные письма, 1947, стр. 421).

Неясно и недостаточно автор формулирует также цели изучения истории философии. Нигде автор не подчеркивает, что одной из основных задач философии и её истории является дальнейшее развитие философии как науки, выведение новых закономерностей, проверка её положений на практике, замена устаревших положений новыми. Автор же исходит, главным образом, из педагогически-воспитательного значения истории философии, из задачи культурнически-просветительной, придавая таким образом всему делу изучения истории философии пассивно-созерцательный, академический характер. Это, конечно, не соответствует марксистско-ленинскому определению философской науки, которая, как и всякая наука, должна непрерывно развиваться, совершенствоваться, обогащаться новыми положениями, отбрасывая устаревшие.

Автор, сосредоточивая внимание на учебно-просветительной стороне дела, тем самым ставит пределы развитию науки, как будто бы марксизм-ленинизм уже достиг своего потолка и задача развития нашего учения уже не является главной задачей. Такое рассуждение противоречит духу марксизма-ленинизма, поскольку оно начинает метафизически представлять марксизм как законченное и совершенное учение и может привести лишь к иссяканию живой и пытливой философской мысли.

Совсем неблагоприятно обстоит дело также с освещением вопросов развития естествознания, в то

время как историю философии нельзя в прямой ущерб научности излагать вне связи с успехами естественных наук. Учебник т. Александрова не даёт возможности уяснить, в силу этого, условия возникновения и развития научного материализма, который вырос на гранитном фундаменте достижений современного естествознания.

Излагая историю философии, Александров ухитрился оторвать её от истории естествознания. Характерно, что во введении, где излагаются основные установки книги, автор ни словом не упоминает о взаимоотношении философии и естествознания. Он молчит о естествознании даже тогда, когда это, казалось бы, совершенно невозможно сделать. Так, на стр. 9 автор пишет: «Ленин в своих трудах и в особенности в «Материализме и эмпириокритицизме» всесторонне разработал и двинул далеко вперёд это марксистское учение об обществе». Тов. Александров ухитрился, говоря о «Материализме и эмпириокритицизме», умолчать о проблемах естествознания и о связи его с философией.

Бросается в глаза крайняя бедность, убогость и абстрактность характеристики уровня естествознания того или иного периода. О естествознании древних греков сказано, что в их время происходит «зарождение наук о природе» (стр. 26), об эпохе поздней схоластики (XII—XIII века) говорится, что тогда «появилось много изобретений и технических усовершенствований» (стр. 120).

Там же, где автор пытается раскрыть такие расплывчатые формулировки, даётся малосвязный пере-

чень открытий; при этом в книге допускаются вопиющие ошибки, поражающие своей безграмотностью в вопросах естествознания. Чего стоит, например, описание развития науки в эпоху Возрождения: «Учёный Герике построил свой знаменитый воздушный насос, и существование атмосферного давления, заменившее собой представление о пустоте, было доказано практическим путём, вначале в виде опыта с полшариями в Магдебурге. Люди в течение веков спорили о том, где находится «центр мира» и можно ли считать им нашу планету. Но вот приходит в науку Коперник, а затем Галилео Галилей. Последний доказывает существование пятен на Солнце и изменение их положения. Он видит в этом и в других открытиях подтверждение учения Коперника о гелиоцентрическом строении нашей солнечной системы. Барометр научил людей предсказывать погоду. Микроскоп заменил систему догадок о жизни мельчайших организмов и сыграл большую роль в развитии биологии. Компас помог Колумбу опытным путём доказать шарообразное строение нашей планеты» (стр. 135).

Здесь почти каждое предложение — абсурд. Как могло атмосферное давление заменить представление о пустоте: разве существование атмосферы отрицает существование пустоты? Каким образом движение пятен на Солнце подтвердило учение Коперника?

Представление о том, что барометр предсказывает погоду, относится к самым ненаучным представлениям. К сожалению, люди и сейчас ещё не научились как следует предсказывать погоду, что всем вам

хорошо известно из практики нашего Бюро погоды.
(Смех.)

Далее. Разве может микроскоп *заменить* систему догадок, и, наконец, что такое «шарообразное строение нашей планеты»? До сих пор казалось, что шарообразной может быть только форма.

Перлов, аналогичных перечисленным, в книге Александрова много.

Но автор допускает и более существенные, принципиальные ошибки. Так, он считает (стр. 357), что диалектический метод был подготовлен успехами естествознания «уже во второй половине XVIII в.». Это в корне противоречит известному положению Энгельса о том, что диалектический метод был подготовлен открытием клеточного строения организма, учением о сохранении и превращении энергии, учением Дарвина. Все эти открытия относятся к XIX столетию. Исходя из своей неверной концепции, автор уделяет известное место перечислению открытий XVIII века, много говорит о Гальвани, Лапласе, Лейбле, но относительно трёх великих открытий, указанных Энгельсом, ограничивается лишь следующим: «Так, например, ещё при жизни Фейербаха было создано учение о клетке, учение о превращении энергии, появилась теория Дарвина о происхождении видов путём естественного отбора» (стр. 427).

Таковы основные недостатки книги. Я отвлекаюсь от частных и второстепенных недостатков, я не хочу также повторять те весьма ценные в теоретическом и практическом отношении критические замечания, которые здесь были высказаны.

Вывод таков, что учебник плох, что нужно его коренным образом переработать. Но переработка учебника означает прежде всего преодоление неправильных и путаных взглядов, которые, очевидно, имеют хождение в среде наших философов, в том числе и руководящих. И здесь я перехожу ко второму вопросу, вопросу о положении на нашем философском фронте.

II

О ПОЛОЖЕНИИ НА НАШЕМ ФИЛОСОФСКОМ ФРОНТЕ

Если вышло так, что книга т. Александрова получила признание у большинства наших руководящих философских работников, что она была представлена к Сталинской премии, была рекомендована в качестве учебника и вызвала многочисленные хвалебные рецензии, то это означает, что и другие философские работники, очевидно, разделяют ошибки т. Александрова. А это говорит о серьёзном неблагополучии на нашем теоретическом фронте.

То обстоятельство, что книга не вызвала сколько-нибудь значительных протестов, что потребовалось вмешательство Центрального Комитета и лично товарища Сталина, чтобы вскрыть недостатки книги, означает, что на философском фронте отсутствует развёрнутая большевистская критика и самокритика. Отсутствие творческих дискуссий, критики и самокритики не могло не отразиться пагубным образом на состоянии научной философской работы. Известно, что философская продукция совершенно недостаточна по количеству и слаба по качеству. Монографии и статьи по философии — редкое явление.

Здесь много говорили о необходимости философского журнала. Есть известное сомнение в необходимости создания такого журнала. Ещё не изгладился в памяти печальный опыт журнала «Под знаменем марксизма». Мне кажется, что нынешние возможности публикации оригинальных монографий и статей использованы совершенно недостаточно.

Тов. Светлов говорил здесь, что аудитория «Большевика» не совсем подходит для теоретических трудов специального характера. Я думаю, что это совершенно неправильно и исходит из явной недооценки высокого уровня нашей аудитории и её запросов. Такие мнения, мне кажется, исходят из непонимания того, что наша философия вовсе не является достоянием небольшой кучки профессиональных философов, а является достоянием всей нашей советской интеллигенции. Не было решительно ничего плохого в традиции передовых русских толстых журналов в дореволюционное время, которые наряду с литературно-художественными произведениями печатали также научные, в том числе и философские труды. Наш журнал «Большевик» при всех условиях представляет гораздо большую аудиторию, чем любой философский журнал, и замыкать творческую работу наших философов в специальном философском журнале, мне кажется, представляло бы угрозу сужения базы нашей философской работы. Прошу не понять меня как противника журнала, но мне кажется, что скудость философских работ в наших толстых журналах и в «Большевике» говорит о том, что надо бы начать с преодоления прежде

всего этого недостатка через наши толстые журналы и «Большевик», где, особенно в толстых журналах, время от времени всё же и теперь появляются статьи философского характера, представляющие научный и общественный интерес.

Худосочна также тематика нашего руководящего философского учреждения — Института философии Академии наук, кафедр и т. д.

Институт философии, по-моему, представляет довольно безотрадную картину; он не объединяет работников периферии, не связан с ними, а потому не является на деле учреждением союзного характера. Провинциальные философы предоставлены самим себе, а они представляют, как видите, большую силу, к сожалению, неиспользованную. Тематика философских работ, в том числе и работ на соискание учёных степеней, повёрнута в прошлое, к спокойной и менее ответственной исторической теме, ну, скажем, вроде: «Коперниковская ересь в прошлом и настоящем». (*Оживление в зале.*) Это ведёт к известному возрождению схоластики. С этой точки зрения представляется странным имевший здесь место спор о Гегеле. Участники этого спора ломаются в открытую дверь. Вопрос о Гегеле давно решён. Ставить его вновь нет никаких оснований, никаких новых материалов, сверх уже разобранных и оценённых, здесь не было предъявлено. Сам же спор досадно схоластичен и оказывается столь же мало продуктивным, как выяснение в своё время в некоторых кругах вопроса о правомерности двоеперстия и троеперстия или о том, может ли бог создать камень, который

он не может поднять, и была ли богородица девой. (Смех.) Актуальные проблемы современности почти не разрабатываются. Всё это, вместе взятое, чревато большими опасностями, гораздо большими, чем это вам представляется. Самая большая угроза заключается в том, что некоторая часть из вас уже свыклась с этими недостатками.

В философской работе не чувствуется ни боевого духа, ни большевистских темпов. В этом свете некоторые ошибочные положения учебника перекликаются с фактами отставания на всём остальном философском фронте и таким образом представляют не отдельный случайный фактор, а целое явление. Здесь часто употребляется выражение «философский фронт». А где, собственно говоря, этот фронт? Философский фронт не совсем похож на наше представление о фронте. Когда говорят о философском фронте, то сразу же напрашивается представление об организованном отряде воинствующих философов, вооружённых в совершенстве марксистской теорией, ведущих развёрнутое наступление на враждебную идеологию за рубежом, на пережитки буржуазной идеологии в сознании советских людей у нас внутри страны,двигающих неустанно нашу науку вперёд, вооружающих тружеников социалистического общества сознанием закономерности нашего пути и научно обоснованной уверенностью в конечной победе нашего дела.

А разве наш философский фронт похож на настоящий фронт? Он скорее напоминает тихую заводь или бивуак где-то далеко от поля сражения. Поле боя

ещё не захвачено, соприкосновения с противником большей частью нет, разведка не ведётся, оружие ржавеет, бойцы воюют на свой риск и страх, а командиры или упиваются прошлыми победами, или спорят, хватит ли сил для наступления, не следует ли потребовать помощи извне, или на тему, насколько сознание может отстать от бытия, чтобы не показаться чересчур отсталым. (Смех.)

А в то же время наша партия крайне нуждается в подъёме философской работы. Те быстрые изменения, которые каждый день вносит в наше социалистическое бытие, не обобщаются нашими философами, не освещаются с точки зрения марксистской диалектики. Тем самым затрудняются условия для дальнейшего развития нашей философской науки, и положение складывается таким образом, что развитие философской мысли идёт в значительной мере помимо наших профессиональных философов. Это совершенно недопустимо.

Конечно, причина отставания на философском фронте не связана ни с какими объективными условиями. Объективные условия, как никогда, благоприятны, материал, ждущий научного анализа и обобщения, безграничен. Причины отставания на философском фронте надо искать в области субъективного. Эти причины в основном те же самые, которые вскрыл ЦК, анализируя отставание на других участках идеологического фронта.

Как вы помните, известные решения ЦК по идеологическим вопросам были направлены против безидейности и аполитичности в литературе и искусстве,

против отрыва от современной тематики и удаления в область прошлого, против преклонения перед иностранщиной, за боевую большевистскую партийность в литературе и искусстве. Известно, что многие отряды работников нашего идеологического фронта уже сделали для себя надлежащие выводы из решений ЦК и на этом пути добились значительных успехов.

Однако наши философы здесь отстали. Видимо, они не замечают фактов беспринципности и безидейности в философской работе, фактов пренебрежения современной тематикой, фактов раболепия, низкопоклонства перед буржуазной философией. Они, видимо, считают, что поворот на идеологическом фронте их не касается. Теперь всем видно, что этот поворот необходим.

В том, что философский фронт идёт не в первых рядах идеологической работы, падает значительная доля вины и на т. Александра. Он не обладает, к сожалению, способностью остро критически вскрывать недостатки работы. Он явно переоценивает свои силы, не опираясь на опыт и знания широкого коллектива философов. Больше того, он чересчур опирается в своей работе на узкий круг ближайших сотрудников и почитателей таланта. (*Возгласы: Правильно! Аплодисменты.*) Философская деятельность оказалась как-то монополизирована в руках небольшой группы философов, а большая часть философов, особенно провинциальных, не привлечена к руководящей работе.

Так оказались нарушенными правильные взаимоотношения среди философов.

Теперь всем видно, что создание таких работ, как учебник по истории философии, не по плечу одному человеку и что т. Александрову нужно было с самого начала работы привлечь широкий круг авторов — диаматчиков, истматчиков, историков, естественников, экономистов. Тов. Александров избрал неправильный путь составления учебника, не опершись на широкий круг знающих людей. Необходимо исправить эту ошибку. Философские знания, конечно, являются у нас достоянием широкого коллектива советских философов. Метод привлечения большого круга авторов к составлению учебника ныне полностью применяется при редактировании учебника политической экономии, который должен быть готов в ближайшее время и к работам по редактированию которого привлечены широкие круги не только экономистов, но и историков и философов. Такой способ творчества является наиболее надёжным. В нём заложена и другая идея — объединить усилия различных отрядов идеологических работников, недостаточно связанных ныне между собой, для разрешения крупных задач, имеющих общее научное значение, с тем, чтобы таким образом организовать взаимодействие между работниками различных отраслей идеологии, чтобы двигаться вперёд не кто в лес, кто по дрова, бить не растопыренными пальцами, а организованно и сплочённо, а следовательно, с наибольшей гарантией успеха.

В чём же всё-таки корни субъективных ошибок ряда руководящих работников философского фронта? Почему здесь, на дискуссии, представители старшего

поколения философов бросали справедливый упрек некоторым молодым по поводу их преждевременного одряхления, по поводу недостатка у них боевого тона, воинственности? Ответ на этот вопрос, видимо, может быть один — недостаточное уяснение основ марксизма-ленинизма и наличие остатков влияния буржуазной идеологии. Это сказывается и в том, что многие наши работники ещё не понимают, что марксизм-ленинизм есть живое творческое учение, непрерывно развивающееся, непрерывно обогащающееся на основе опыта социалистического строительства и успехов современного естествознания. Такая недооценка этой живой революционной стороны нашего учения не может не приводить к принижению философии и её роли. Именно в недостатке воинственности и боевого духа следует искать причину боязни некоторых наших философов попробовать силы на новых вопросах — вопросах современности, на решении задач, которые ежедневно ставит перед философами практика и на которые философия обязана дать ответ. Пора смелее двигать вперёд теорию советского общества, теорию советского государства, теорию современного естествознания, этику и эстетику. С меньшевистской трусостью надо кончать. Допустить застой в развитии теории — это значит засушить нашу философию, лишить её самой ценной черты — её способности к развитию, превратить её в мёртвую сухую догму.

Вопрос о большевистской критике и самокритике есть для наших философов не только практический, но и глубоко теоретический вопрос.

Если внутренним содержанием процесса развития, как учит нас диалектика, является борьба противоположностей, борьба между старым и новым, между отмирающим и нарождающимся, между отжившим и развивающимся, то наша советская философия должна показать, как действует этот закон диалектики в условиях социалистического общества и в чём своеобразие его применения. Мы знаем, что в обществе, разделённом на классы, этот закон действует иначе, чем в нашем советском обществе. Вот где широчайшее поле для научного исследования, и это поле никем из наших философов не обработано. А между тем наша партия уже давно нашла и поставила на службу социализму ту особенную форму раскрытия и преодоления противоречий социалистического общества (а эти противоречия имеются, и о них философы не хотят писать из трусости), ту особенную форму борьбы между старым и новым, между отживающим и нарождающимся у нас в советском обществе, которая называется критикой и самокритикой.

В нашем советском обществе, где ликвидированы антагонистические классы, борьба между старым и новым и, следовательно, развитие от низшего к высшему происходит не в форме борьбы антагонистических классов и катаклизмов, как это имеет место при капитализме, а в форме критики и самокритики, являющейся подлинной движущей силой нашего развития, могучим инструментом в руках партии. Это, безусловно, новый вид движения, новый тип развития, новая диалектическая закономерность.

Маркс говорил, что прежние философы только объясняли мир, а ныне дело заключается в том, чтобы изменить его. Мы изменили старый мир и построили новый, но наши философы, к сожалению, недостаточно объясняют этот новый мир, да и недостаточно участвуют в его изменении. Здесь мы слышали некоторые попытки, так сказать, «теоретически» объяснить причины этого отставания. Говорилось здесь, например, о том, что философы слишком задержались на периоде комментаторском, в силу чего своевременно не перешли в период монографических исследований. Объяснение это, конечно, выглядит очень благородно, но мало убедительно. Конечно, творческая работа философа должна быть ныне поставлена во главу угла, но это не значит, что должна быть свёрнута комментаторская, вернее популяризаторская, работа. В ней также нуждается наш народ.

Надо торопиться наверстать потерянное время. Задачи не ждут. Одержанная в Великой Отечественной войне блестящая победа социализма, которая явилась также блестящей победой марксизма, стала костью поперёк горла империалистов. Центр борьбы против марксизма переместился ныне в Америку и Англию. Все силы мракобесия и реакции поставлены ныне на службу борьбы против марксизма. Вновь вытащены на свет и приняты на вооружение буржуазной философии, служанки атомно-долларовой демократии, истрёпанные доспехи мракобесия и поповщины: Ватикан и расистская теория; оголтелый национализм и обветшалая идеалистическая филосо-

фия; продажная жёлтая пресса и растленное буржуазное искусство. Но сил, видимо, нехватает. Под знамя «идеологической» борьбы против марксизма рекрутируются ныне и более глубокие резервы. Привлечены гангстеры, сутенёры, шпионы, уголовные преступники. Возьму на удачу свежий пример. Как сообщили на днях «Известия», в журнале «Тан модерн», редактируемом экзистенциалистом Сартром, превозносится как некое новое откровение книга уголовного писателя Жана Женэ «Дневник вора», которая открывается словами: «Предательство, воровство и гомосексуализм — таковы будут основные мои темы. Существует органическая связь между моей тягой к предательству, воровским занятиям и моими любовными похождениями». Автор, видимо, знает своё дело. Пьесы этого Жана Женэ широко и успешно ставятся на парижских сценах, а самого Жана Женэ усиленно заывают в Америку. Таково «последнее слово» буржуазной философии.

Известно уже из опыта нашей победы над фашизмом, в какой тупик привела целые народы идеалистическая философия. Теперь она предстаёт в своём новом отвратительно грязном естестве, отражающем всю глубину, низость и мерзость падения буржуазии. Сутенёры и уголовные преступники в философии — это действительно край гибели и разложения. Однако эти силы ещё живучи, ещё способны отравлять сознание масс.

Современная буржуазная наука снабжает поповщину, фидеизм новой аргументацией, которую необходимо беспощадно разоблачать. Взять хотя бы уче-

ние английского астронома Эддингтона о физических константах мира, которое прямёхонько приводит к пифагорейской мистике чисел и из математических формул выводит такие «существенные константы» мира, как апокалиптическое число 666, и т. д. Не понимая диалектического хода познания, соотношения абсолютной и относительной истины, многие последователи Эйнштейна, перенося результаты исследования законов движения конечной, ограниченной области вселенной на всю бесконечную вселенную, договариваются до конечности мира, до ограниченности его во времени и пространстве, а астроном Милн даже «подсчитал», что мир создан 2 миллиарда лет тому назад. К этим английским учёным применимы, пожалуй, слова их великого соотечественника, философа Бэкона о том, что они обращают бессилие своей науки в клевету против природы.

В равной мере кантианские выверты современных буржуазных атомных физиков приводят их к выводам о «свободе воли» у электрона, к попыткам изобразить материю только лишь как некоторую совокупность волн и к прочей чертовщине.

Здесь колоссальное поле деятельности для наших философов, которые должны анализировать и обобщать результаты современного естествознания, памятуя указание Энгельса, что материализму «приходится принимать новый вид с каждым новым великим открытием, составляющим эпоху в естествознании» (*Ф. Энгельс, Людвиг Фейербах. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 647*).

Кому же, как не нам — стране победившего марксизма и её философам, — возглавить борьбу против растленной и гнусной буржуазной идеологии, кому, как не нам, наносить ей сокрушающие удары!

Из пепла войны выросли государства новой демократии и национально-освободительное движение колониальных народов. Социализм встал в порядок дня жизни народов. Кому, как не нам — стране победившего социализма и её философам, — помочь нашим зарубежным друзьям и братьям осветить свою борьбу за новое общество светом научного социалистического сознания, кому, как не нам, просветить их и вооружить идейным оружием марксизма!

В нашей стране идёт мощный расцвет социалистического хозяйства и культуры. Неуклонный рост социалистического сознания масс предъявляет всё больше и больше требований к нашей идеологической работе. Идёт развёрнутое наступление на пережитки капитализма в сознании людей. Кому, как не нашим философам, возглавить ряды работников идеологического фронта, применить в полной мере марксистскую теорию познания при обобщении огромного опыта социалистического строительства и при решении новых задач социализма!

Перед лицом этих великих задач можно было бы спросить: способны ли наши философы поднять на свои плечи новые задачи, есть ли порох в философских пороховницах, не ослабла ли философская сила? Способны ли наши научные философские кадры своими внутренними силами преодолеть недостатки своего развития и перестроить по-новому свою рабо-

ту? В этом вопросе не может быть двух мнений. Философская дискуссия показала, что эти силы есть, что эти силы немалые, что эти силы способны вскрыть свои ошибки для того, чтобы их преодолеть. Надо только больше веры в свои силы, больше пробы этих сил в активных боях, в постановке и решении жгучих современных проблем. Надо покончить с небоевыми темпами в работе, стряхнуть с себя ветхого Адама и начать работать так, как работали Маркс, Энгельс, Ленин, как работает Сталин. (*Аплодисменты.*)

Товарищи, вы помните, как Энгельс в своё время радовался и отмечал как крупное политическое событие огромного значения выход марксистской книжки тиражом в две-три тысячи экземпляров. Из этого, на наши масштабы незначительного, факта Энгельс делал вывод, что марксистская философия пустила глубокие корни в рабочем классе. А что же сказать о проникновении марксистской философии в широкие слои нашего народа и что сказали бы Маркс и Энгельс, если бы они узнали, что философские труды у нас распространены в народе в десятках миллионов экземпляров? Это настоящее торжество марксизма, и это является живым свидетельством того, что великое учение Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина стало у нас всенародным учением и на этом фундаменте, которому нет равного в мире, должна расцвести наша философия. Будьте же достойны нашей эпохи — эпохи Ленина — Сталина, эпохи нашего народа, народа-победителя! (*Бурные, продолжительные аплодисменты.*)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

I. Недостатки книги тов. Александрова	5
II. О положении на нашем философском фронте	32

Подписано к печати 12/X 1951 г. Тираж 500 тыс. экз. А08424.
Бумага 82×108^{3/32}. 2/4 бумажных, 2,46 печ. листа, 1,58 уч.-изд. листа.
Заказ № 836. Цена 35 коп.

Набрано и сматрицировано в Первой Образцовой типографии имени
А. А. Жданова Главполиграфиздата при Совете Министров СССР.
Москва, Валовая, 23.

Отпечатано 3-й типографией «Красный пролетарий» Главполиграфиздата
при Совете Министров СССР. Москва, Краснопролетарская, 16.

35 коп.